

3. Паперный

«Всякому человеку вообще»

<...>

В последней пьесе Чехова, так же, как это было в «Чайке», — один центральный образ, определяющий всю жизнь героев. Это — вишневый сад. У Раневской с ним связаны воспоминания всей жизни. Вернее даже сказать, что не она владелица сада, но он — ее владлец. «Ведь я родилась здесь, — говорит она, — здесь жили мои отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом...»

Лопухин смотрит на сад с точки зрения «циркуляции дела». Он деловито предлагает Раневской и Гаеву разбить имение на дачные участки, а сад вырубить.

У Пети Трофимова свой взгляд. «Ваш дед, прадед и все ваши предки, — говорит он Ане, — были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа...»

Раневская — сад в прошлом.

Лопухин — сад в настоящем.

Петя Трофимов — сад в будущем. «Вся Россия наш сад», — восклицает он.

Может показаться неожиданным, но в характере Раневской что-то вдруг напоминает «душечку»: готовность жертвовать собой, какое-то душевное «младенчество», инфантильность. «И теперь я как маленькая...» — говорит она, входя в детскую.

Сложные чувства вызывает к себе этот образ. Раневская лишена самодовольства, искренне винится в своих грехах. И вместе с тем она беззаботна, как ребенок, и по-детски беспомощна перед надвигающейся катастрофой — продажей вишневого сада. Вот так же и Гаев — он смешон своими речами, вернее — разглагольствованиями. Но он вовсе не смешон, когда говорит сестре: «Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?»

Сложен и противоречив характер Лопухина. «Ведь это не купец в пошлом смысле слова, надо сие понимать», — говорит Чехов (письмо к О.Л. Книппер, 28 октября 1903).

Петя Трофимов называет Лопухина «хищным зверем», и он же говорит ему: «У тебя тонкая, нежная душа».

Создается впечатление, что в Лопухине совмещаются разные существа: купец, простой мужик и человек с «тонкой, нежной душой». Его монолог после покупки имения нельзя играть только как торжество победителя. Он говорит как будто бы разными голосами: радуется, что он, «битый, малограмотный Ермолай», стал владельцем имения, «прекрасней которого ничего нет на свете». И тут же восклицает: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь».

Пьесу «Вишневый сад» играли как трагедию, словно не замечая иронического взгляда автора на происходящее, на поведение персонажей. Рисуя печальное положение Раневской и Гаева, Ани и Вари, Чехов непрерывно подчеркивает и комедийные моменты. В пьесе действует конторщик Епиходов — невезучий, несуразный человек, которого зовут «двадцать два несчастья». Но тень епиходовской невезучести падает на все действующие лица. Лопухин проспал и не встретил Любовь Андреевну с Аней и Шарлоттой, Аня растеряла все шпильки, Дуняша уронила блюдечко, она же забыла подать сливки, Любовь Андреевна рассыпала деньги, Петя Трофимов упал с лестницы, Варя нечаянно ударила палкой Лопухина — вместо Епиходова. И даже в момент своего торжества Лопухин толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры.

Можно сказать, что Епиходов в пьесе не исчерпывается самим собой. Епиходовские мотивы «несчастья», его, пользуясь словом Фирса, «недетепство» неожиданно обнаруживаются во многих образах пьесы. И дело не только в бытовой стороне всех этих «недетепств» — от них идут линии к трактовке характеров главных героев. Недаром Шарлотта говорит о Раневской: «Любовь Андреевна постоянно теряет. Она и жизнь свою потеряла» (беловой автограф).

Так как же трактовать последнюю пьесу — как драму или как комедию? Очевидно, нельзя выбирать одно из двух. «Вишневый сад» — пьеса сложного трагикомического звучания, где автор смело соединил смех и слезы, фарс и лирику.

<...>